

СВЕТЛАНА
НАРБАТОВА

БАМ
НЕ СЕЩ!

Светлана Нарватова

Вам Песец!

«Автор»

2026

Нарватова С.

Вам Песец! / С. Нарватова — «Автор», 2026

Я вам сейчас такое расскажу! Меня похитили извращенцы-сектанты, помешанные на дорамах! Живут в азиатских дворцах, ходят в кимоно и даже пластику под айдалов сделали. Больные люди, я вам говорю! Тот, кому меня подарили, называет себя Джеро, изображает из себя принца и утверждает, что владеет магией. Нормальная здесь только я. И собачка моя, Песец. И мы с Песцом здесь всем песец устроим! Первая часть дилогии о Саше и Джеро

© Нарватова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интерлюдия №1,	5
Глава 1,	9
Интерлюдия № 2,	14
Глава 2,	15
Глава 3,	19
Глава 4,	26
Интерлюдия №3,	32
Глава 5,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Светлана Нарватова

Вам Песец!

Интерлюдия №1,

из которой становится понятно, за что Великий Император Киоши наградил Александру проклятием

Язычки пламени нервно дергались в бездымном факеле, будто мечтали сбежать.

Но из мрачных подземелий Императорского дворца сбежать еще никому не удавалось.

Киоши, Великий Император Родонии, Мастер Проклятий, Чёрный Змей Хо, сидел, раскинувшись на подушках в кресле — почти точной копии трона, и тер пальцами застарелый шрам над глазом.

Всё тело ныло. Жизнь, по сути, — растянутая агония. За силу и могущество нужно платить, и Киоши привык расплачиваться болью, своей и чужой.

Что эти сопляки — его сыновья, знали о цене власти?

Власть — это жертвы. И далеко не всегда речь идет о других.

Для власти нужна магия, для магии нужна сила. Казалось бы, проклятия — бесконечный источник. Но беда в том, что чужой Дар, взятый насильно, разрушал тонкое тело. В общем-то, и не беда это особо, для мощного мага нет ничего сложного в том, чтобы поставить заплатку. Нужно всего лишь взять чуть больше чужой силы...

...Так казалось Киоши в юности.

Сейчас на то, чтобы поддерживать организм физически крепким, ему приходилось тратить две трети всего, что он получал.

Может, даже больше.

Именно поэтому он зацепился за иномирское оружие: за него не нужно было платить. Оно давало силу совершенно бесплатно. Силу, равной которой не было во всем мире — мире Киоши.

И скоро это мир падет к его ногам.

— Я говорил тебе, что даром тебе это это не пройдет. — Скрипучий голос заставил Киоши скрежетать зубами.

Он шел из полупрозрачного шара на трехногой ажурной подставке. Сейчас в шаре мерцали красные искорки, которые выдавали недовольство.

— Что они мне сделают? — Он вскинул подбородок, и висок кольнуло будто огненной иглой.

— Мир не прощает нарушения своих законов. — Искорки окрасились бордовым, что означало предупреждение.

Киоши было плевать.

Он был в двух шагах от своей цели.

— Что такое “мир”? Это люди. Что такое “люди”? Это мясо! — Киоши хмыкнул, висок снова прошило болью, но он всё же закончил: — На кости.

— Есть ещё духи. — Искорки взметнулись вверх чернотой, словно песок, поднятый ветром с барханов.

— Не угрожай.

Искорки улеглись, а шар затянуло белесым туманом.

— Но ты не можешь знать наверняка, — со скрытым искушением просипел шар.

— Ненасытная утроба! — шикнул Киюши, и шар на мгновение полыхнул оранжевой алчностью.

— Ты мог бы питать меня более щедро, — прошипел шар, и стекло отразило сумрачное помещение с факелом, утратив прозрачность.

— А ты не треснешь? — Сегодня голова Великого Императора болела сильнее обычного. Нужно будет призвать на ночь пару девственниц и восполнить запас магии.

Шар не ответил, оставаясь зеркально-черным.

— Они ничего не смогут мне сделать!

Шар оставался безмолвным.

— Ты что-то знаешь?.. Говори!

Приказ на шар тоже не подействовал.

Киюши с трудом поднялся, отдирая себя от подушек — здесь, вдали от посторонних взглядов он мог себе позволить не притворяться, — и заковылял к треноге.

— Если ты мне соврал, я тебя два месяца буду держать на голодном пайке, — прошипел Великий Император, накладывая на шар руки. Артефакт стал наполняться золотым свечением. Жадная стекляшка!

Она сосала Силу из рук, будто её полгода не кормили.

— Хватит! — Киюши с усилием оторвал ладони, разрывая контакт. — Рассказывай.

— Ты знаешь правила. Задай вопрос.

— Чем мне лично угрожает привнесение иномирского оружия? — сформулировал Черный Змей Хо предельно конкретно.

Шар вновь стал черно-зеркальным. В следующий момент его поверхность пошла неясной рябью, и из глубины стало проступать изображение: он, Великий Император Родонии Киюши, Мастер Проклятий, Чёрный Змей Хо, сидел на троне в своем тронном зале, держась за грудь в том месте, где у людей находится сердце. Его лицо было искажено болью. Перед ним стояла какая-то белокурая кудрявая девка — таких волос он не видел в этом мире. Только там, за Гранью. Она стояла неподвижно. Киюши не видел её лица — только спину. Но поза не выражала ни страха, ни почтения, ни агрессии. Киюши чертил другой рукой в воздухе иероглифы проклятий, но девушка продолжала стоять.

Она не защищалась.

Не нападала.

Стояла.

А Киюши под её взглядом старел.

На глазах: волосы бледнели до седины, лицо испещряли морщины, руки с обвисшей кожи тряслись.

— Хватит!

Изображение исчезло. Прозрачный шар пошел молочными разводами.

— Кто она?

— Она несет кровь Духа.

— Отвечай по сути!!! — Вязкий, липкий страх, наполнивший Черного Змея, путал мысли, лишал возможности думать связно.

— Я вообще мог бы ответить, что это девушка, — не скрывая злорадства ответил шар.

— Где она сейчас?

Шар вновь потемнел, потом пошел рябью, и из глубин появилась другая картинка: бело-волосая дрянь сидела за столом в узнаваемом окружении иного мира. Киюши снова видел её со спины. Она разговаривала с другой девкой — красивой, длинноволосой, светлоглазой. “Что-то ты, мать, совсем не своя, — слышался из шара голос дряни. — В конец озверел?”. Длинноволосая усмехнулась.

Изображение растаяло.

— Ты лжешь! — взвился Киоши. — Люди из иного мира не попадают в наш!

— Ты нарушил законы. Ты привнес в наш мир частицу того. Ты нарушил баланс, — безучастно проскрипел шар, и белесое облачко внутри его на мгновение полыхнуло багровым предупреждением.

— Ты солгал мне. Всё, что ты мне показал — это ложь, —прошипел Киоши, с трудом сдерживая желание пнуть треног, чтобы шар рухнул на каменные плиты пола и разлетелся на осколки.

Но именно этого он делать не будет.

Несмотря на потраченную магию, Император был полон энергии. Холодная ярость наполнила его до краев.

Тварь!

Какая тварь!

Посмотрим, как он запоет через месяц без искорки Силы!

Киоши стремительно поднялся по лестнице и запер дверь магическим замком. Он был как никогда тверд в своем решении. Совсем немного, и его сильнейшее в мире войско обрушится на соседей, сокрушая магов и рядовое мясо.

Совсем немного.

А эти лживые картинки он выбросит из памяти навсегда.

Никто не посмеет ему угрожать!

...К сожалению, вспомнить разговор пришлось, и это случилось гораздо раньше, чем Черный Змей Хо планировал.

Посольство во главе с младшим принцем должно было отправиться в Ледению почти на днях. Всё было продумано. Распланировано. Джеро был не семи пядей во лбу, но с теми обязанностями, которые на него возлагались, должен был справиться. Всё шло как задумано, когда соглядатаи принесли из дворца леденского молокососа новость: возле короля неизвестно откуда появилась фаворитка, которая ведет себя недопустимо странно.

Странно вел себя и сам король, и его цепной пес-маг.

Тревога, поселившаяся в виске, не отпускала.

А когда Императору наконец доставили кристалл с изображением таинственной любовницы, сердце Киоши пропустило удар. Он узнал это лицо.

Быстрыми шагами, стараясь сдерживаться и не перейти на бег, он спустился в подземелье, где на треноге прозрачный шар игрался белесым облачком.

— Как она здесь оказалась?! — Громовой голос Императора отразился трусливым эхом от каменных сводов.

— Я тебе говорил: ты нарушил баланс. Равновесие должно быть восстановлено.

Внутри шара появилась белая точка, которая в следующее мгновение рассыпалась фейерверком из иного мира.

— Покажи мне ту кудрявую девку из видения!

Шар привычно потемнел, открывая взгляду Киоши то же самое помещение иного мира, где Император видел её в прошлый раз.

— Покажи, как я могу её найти! — потребовал Черный Змей, на ходу творя неснимаемое проклятье.

— Не делай этого. Ты сделаешь только хуже.

— Не учи меня! Показывай!

Белокурая дрянь начала удаляться, и её изображение скрылось за дверью. Коридор. Поворот. Двери лифта. Открытое пространство холла. Стеклопанная дверь. Иномирский город за ней.

— Стоп! Отправь меня туда. — Киоши ткнул на двери.

— Не делай этого.

— Заткнись. На счет “три”. Раз! Два! Три!!

Пространство разверзлось ослепляющим росчерком. В пугающем свете Грани вокруг Императора сиял маслянисто-черный магический ореол. Киоши чуть замешкался, шагая в трещину между мирами, и она захлопнулась, отхватив часть этой темной субстанции — осевшей на пол и сбившейся в клубок.

Шар хрипло рассмеялся.

— Пшел вон отсюда! — процедил он в адрес клубка. — Вон!!!

Глава 1,

в которой Александра понимает, что влипла, но даже не догадывается, что попала

— ...Где я?!

В последний раз помнила себя в больничной палате, на металлической койке с матрасом, помнившим Мамаево побоище. А теперь я лежала на шелковом траходrome — по-другому не скажешь, — куда поместились бы три пары, и ни в одной из поз камасутры друг друга не коснулись. Сверху лежище венчалось балдахином.

А прямо надо мной нависал мужик.

Учитывая настроение мужика, удивительно, что я успела оглядеть окружение. Он был зол как тысяча чертей и столь же опасен. Угрозу я ощущала всем копчиком. Глаза мужика были черны, как пещера безлунной ночью, а взгляд острым, как меч самурая. Он реально мог сейчас меня придушить. Или глотку вырвать. В общем, настроение у него было смертоубийственное.

— Ты кто?!

От испуга я потеряла дар речи. И даже не сразу смогла вспомнить, кто я.

— Кто тебя прислал?

К предплечью, которое придавливало меня к кровати, добавилось острие ножа у горла, и в голове сразу прояснилось.

Всё вокруг словно пошло через фильтр “повысить резкость”. Я увидела, что мужик хоть и страшный, но красивый азиат. У него длинные черные волосы, и он голый. По крайней мере, в тех местах, где соприкасался с моим телом.

Извращенец!

Маньяк!

В голове всплыли ужастики типа “Хостела”.

Все события сегодняшнего дня проплыли передо мной, выпячивая странности. Незнакомый красавчик возле моего подъезда, который неровно дышал к моим каблукам, — футфетишист, сто процентов! Потом его внезапное появление у меня на работе и несусветное вранье про Алену. Я точно видела, что он врал. Но не могла понять, в чем.

Потом эта неожиданная встреча на аллее, удачно подъехавшее такси, и приступ, и эта скорая, которая так кстати оказалась на месте. Потом больничная палата с капельницей — неизвестно, что они мне вкололи.

И сколько вообще прошло времени с того момента, который я помню?

Вывод выкристаллизовался с очевидностью таблицы умножения: это всё звенья одной цепи!

Цепи похищения людей!

Они наверняка и Алену похитили!

— Где вы держите Ковалеву?! — осознание безысходности придало мне решимости.

Отчаянности точно.

— Кого?..

...Всё верно. Точно! Алена же жила одна! Они заранее выбирают привлекательных одиноких девушек, чтобы никто не обнаружил их пропажи. Алену даже заставили написать заявление об увольнении. А со мной, видимо, что-то пошло не так!

— Учтите, если я завтра не выйду на работу, директор сразу обратится в полицию!

— Кто?..

Я добила своего: хватка мужика ослабла, и я тут же набрала воздух, чтобы заорать:

— П...

Хотела “помогите!”, но реакция у мужика оказалась невероятной: он успел заткнуть мне рот. Поэтому вышло только “п”.

Очень правдиво вышло.

Как есть “п”!

— Ты чего хочешь? — зашипел вновь затвердевший — мышцами, не подумайте плохого, — мужик. — Чтобы сюда охрана ворвалась?

Так. Тут есть охрана.

И судя по всему, она не на моей стороне.

И даже не на стороне мужика.

Тогда на чьей?..

Я на всякий случай пожала плечами, и острие вновь ткнулось мне в сонную артерию. Прямо почувствовала: туда.

— Слушай меня внимательно. Слышишь?

Я кивнула. Чуть-чуть. Лезвие никуда не делось, а рот мне не открыли, так что выразить свое мнение по-другому я была неспособна.

— Сейчас я отпущу руку, но ты не будешь кричать. Нет, можешь кричать, если очень хочешь. Император лю-юбит, когда кричат. И поверь, не от наслаждения.

Ё-ё-ё-ё... То есть он тут не самый страшный маньяк!

Я закивала с энтузиазмом.

— Я убираю руку, — повторил он для непонятливых, — и ты рассказываешь, кто ты такая и как здесь оказалась.

От это номер!

— Я думала, это ты...

Острая пощечина обожгла щеку, а на глазах выступили слезы.

— “Ваше высочество”. Обращайся ко мне “ваше высочество”, девка!

Может, он и не самый страшный здесь маньяк, но долбанутый на голову железно. Железобетонно.

— Поняла?

Я закивала и дернула рукой, чтобы потереть пылающую после удара щеку. Положение мужика мгновенно сменилось. Он оседлал меня так, что мои руки оказались прижаты его коленями, и теперь нависал надо мной.

И да, он был голый — доказательство тому лежало буквально перед моим носом.

Хорошо, что не стояло.

Как минимум, это доказывало, что мужик не получал кайф от процесса.

Хотя, не исключено, что он импотент.

— Ты меня поняла? — Лезвие теперь прижималось к горлу поперек.

— Поняла, ваше высочество! — Я не спорю с психами и террористами. В любой непонятной ситуации косплей дуру. — Меня зовут Александра, а как я сюда попала, думаю, вам известно лучше, чем мне.

— С чего ты взяла?

— С того что я даже, где нахожусь, не знаю. И кто вы, ваше высочество, тоже понятия не имею.

— Где ты так научилась говорить на нашем языке?

— Это мой родной язык. Я говорю на нем с детства. Раз мы перешли к конструктивному диалогу, вы, ваше высочество, не могли бы с меня слезть? И что-нибудь надеть. Нет, так-то вы мужчина красивый, — торопливо поправила я. Я смотрела достаточно фильмов про маньяков, чтобы знать: это у них от комплексов и детского насилия. — Но близость вашего мужского органа к моему лицу немного нервирует. Поверьте, ваше высочество, я и так поняла, что на меня тут положили...

Если нести оптимистичную чушь, уровень агрессии в любом взаимодействии падает до нуля, проверено опытом “Эвереста”.

Мужик хмыкнул и... слез с меня. На долю мгновения надо мной промелькнул ранее положенный орган, и где-то глубоко в душе шевельнулось сожаление. Он и правда был хорош собой! Не орган — мужик. Сейчас он удалялся от меня за одеждой, демонстрируя широкие плечи, узкий таз, охрененную задницу и волосы, которые едва не доходили до неё. Причем, вся эта красота — я про волосы сейчас, — была ни капли не спутанная, лежала поверх мускулистой спины ровным слоем. Ухоженные, шикарно тяжелые волосы...

Он взял со скамьи черный халат, и только тут до меня дошло, что неплохо было бы оглядеть себя. Вдруг остро захотелось не выглядеть чухнянкой рядом с таким шикарным маньяком. Зеркала мне никто не предложил. Но и поверхностного осмотра хватило. Я по-прежнему была одета в больничный одноразовый балахон поверх белья. И сквозь тонкий нетканый материал все просматривалось ничуть не хуже, чем через его отсутствие у мужика. Торопливо прикрывшись покрывалом, я ощупала волосы: вроде не сальные и точно на месте. Маникюр в норме, под ногтями чисто, в подмышках и на ногах эпилировано. Я была в полном порядке.

Но непонятно где.

Лежбище, где я обнаружила себя, размещалось на возвышении типа помоста и было усыпано подушками. Освещение было очень скудным — какие-то точечные светодиоды, похоже, — так что я не могла с уверенностью сказать, какого цвета была кровать, покрывало и всё прочее, поскольку в таком полумраке могла распознать лишь оттенки черного.

Словно подгадав момент, маньяк в халате обернулся ко мне и воспользовался какой-то дистанционкой, потому что свет стал ярче. Первое, что я увидела, были кубики пресса на его сухощавом животе между полами халата. А потом, когда я наконец вновь стала соображать, до меня дошло, что всё вокруг было кроваво-красным.

Что не черное и золоченое.

Знаете, если я в таком интерьере поживу какое-то время, я тоже крышей тронусь!

— Давай всё сначала! — велел мужик, сохраняя дистанцию.

— Сначала — это опять орать? — на всякий случай уточнила я. — Ладно, ладно! — Я подняла руки. — Только можно в этот раз без пощечин, ваше высочество?

Тот недовольно поморщился.

— Я имею в виду разговор. Сядь!

— Ага. “Голос!”

— Что “голос”?

— Команда такая. Собаке. Чтобы лаяла. — Тут у мужика, кажется, аж волосы зашевелились и глаза застило кровью, и я торопливо поправилась: — Вы просто мне как собаке приказываете. — И зависнув на мгновение, не удержалась: — Ведь я же лучше собаки!

Мужик — или всё же парень?... С этими азиатами попробуй разбери, какой там возраст, но, кажется, он был ненамного старше меня. Так вот, собеседник мой теперь выглядел скорее озадаченным, чем разгневанным. Возможно, всерьез оценивал, кто предпочтительней: я или четвероногий друг человека.

Но в любом случае это радовало.

Я точно помню, что террористов и насильников злить не надо.

...Им нужно бить по тестикулам, ушам, кадыку и валить от них как можно быстрее. Чем я обязательно займусь, как только представится такая возможность.

— Ты вообще понимаешь, с кем говоришь? — с угрозой в голосе спросил он.

— Нет, конечно! Ваше высочество, вы только не обижайтесь, но я же уже отвечала: нет, к моему огромному сожалению, кто вы такой, я понятия не имею. Но если я должна вас знать, вы хотя бы намекните, откуда.

И тут, мне показалось, он весь словно расслабился. Словно у него из позвоночника катану вытащили.

...Катана!

Я вспомнила того сумасшедшего, которого ко мне занесло на днях. Да! Всё верно! Это какая-то какая-то секта неадекватных косплееров!

— Откуда ты?.. Как тебя там.. Сандра?

Ну Сандра так Сандра. Хоть горшком назови, только в печку не ставь.

— Я из “Эвереста”. — Фирма у нас солидная, со связями до самого верха. Пусть знает, с кем имеет дело. — Оттуда же, откуда Алена.

— Ты знаешь Алену? — На лице и в голосе собеседника усилился интерес.

На фамилию он почему-то не отреагировал, но имя ему было знакомо. Я права! Какой ужас, я права! Он определенно тоже ее знал. Значит, ее действительно похитили!

— Ну да, мы вместе работаем. Я могу с нею встретиться? — Как можно скорее найти Ковалеву и драпать, драпать отсюда!

Выражение “высочества” стало хитрованским, будто он что-то задумал, и крадущейся походкой маньяк направился в мою сторону.

— Я передам ей твою просьбу, — пообещал он, подходя к кровати, и я быстро отползла в противоположный угол.

— Когда?

— Ну... Не знаю. — Он не стал сокращать дистанцию и уселся по-турецки. — Я её не каждую ночь вижу.

О боже, так и знала: это какой-то подпольный бордель.

— А сходить к ней никак нельзя? — Я изобразила очень просительное выражение.

— Нет, нельзя. Она сама приходит, когда хочет. А ты так не умеешь?

— Умею. — Если чтобы приходиться, когда хочу, нужно что-то уметь, я это сделаю. В крайнем случае, научусь и сделаю.

— Но тоже не каждую ночь?

— Да! А днем вообще никак!

— Алену я как-то и днем видел. В самый первый раз... — мечтательно-задумчиво заметил азиат.

Он в неё втюрился, что ли?

Нет, разумеется, мне так даже безопаснее!

Но всё же было немного обидно: я ничуть не хуже Ковалевой!

— А магия на тебя тоже не действует? — живо поинтересовался псих.

— Нет!

Магии не существует.

Значит, она на меня не действует.

Я же всё правильно сказала?

— Правда? — восторженно заерзал мой собеседник. — Отлично!

Он поднял руку, словно замахивался...

— И заклинания ты тоже видишь? — Он вдруг опустил руку.

Спасибо тебе, Алена! Ты сумела найти правильный алгоритм поведения, а теперь спасешь меня, подсказывая, как себя вести!

— Да! — легко согласилась я. Блин, я думала, тут постельные изыски требуются, а им нужно всего лишь подыграть на предмет магии? — И показать могу! Дайте мне волшебную палочку, а вам такую магию изобразу!

— А Алена говорила, что в ней нет магии.

Упс, подружка...

— А во мне есть! — радостно соврала я.

— Ого! — глаза красавчика плотоядно загорелись...

...И тут меня чуть не порвало от желания. Какой же он красивый! Он был настолько красив, что сердце зашлось. В одно мгновение дышать стало тяжело, губы высохли, грудь налилась, а между ног повлажнело и свело, словно судорогой. Только бы он не отказал! Только бы согласился меня взять!

Я уже готова была сорвать с себя всё, что на мне было надето, и чем я была укрыта, как голод и отчаяние затопили меня с головы до пят.

Интерлюдия № 2,

в которой неизвестно кто сам не знает, чего он хочет

Страшно. Холодно.

Больно. Больно-больно-больно!

Отчаяние.

Пустота и оторванность.

И Цель.

Найти. Во что бы ни стало, нужно ее найти.

Это вопрос выживания.

Но сейчас главное — голод.

Всепоглощающий голод.

Я тёк, стараясь держаться в тени от огромных существ, снующих мимо. Они различались. Некоторые скользили тусклыми пятнами, другие светились: кто-то ярче, кто-то бледней. Из некоторых пятен светящаяся субстанция вытекала, оставляя быстро тающие следы. Я подбирал их. Было вкусно, но мало, пока неподалеку я не ощутил сильный выброс огненного вещества. Последовал к нему и обнаружил, что пятно вливало Огонь в крохотный предмет, попутно забрызгивая им всё вокруг.

Это вещество было другим на вкус. Оно притягивало. Было... смутно знакомым. В какой-то момент я понял, что наполнен им до краев, больше не влезет, и пополз назад, туда, где можно скрыться от пятен. Все остальные чувства не исчезли, но притупились. Я свернулся в шар и наконец погрузился в покой и блаженство...

Я понял, как искать источники Огня.

С каждым пробуждением существа, его несущие, казались мне уже не такими огромными. Я видел их всё чётче. Я понял, что светятся они внутри, а снаружи плотные и имеют разную форму. Я учился различать места, где находился, и обнаружил, что в окружающем мире чередуются свет и темнота. Потом появились звуки: сперва как раздражающая помеха, потом я понял, что это способ общения пятен.

Потом я обнаружил стену, в которой отражались существа.

А я не отражался.

Точнее, я видел свое внутреннее свечение, но не видел плотную оболочку.

Это было обидно.

Мне уже давно не было так плохо, как сначала. Боль и пустота отступили.

Страх сменился любопытством.

Чувство, что я перестал быть частью чего-то большего, отдавалось приглушенной неполноценностью.

Покоя не давала только Цель. Она тревожила, и эта тревога никак не хотела уходить.

Нужно найти.

Обязательно нужно найти.

Это вопрос выживания.

Найти.

В этот раз я по привычке двигался в сторону выброса сияющего вещества — совсем недалеко, очень мощный, прекрасный, вкусный, родной! — когда ощутил: нашел.

Я нашел то, что должен был найти!

Глава 2,

в которой Джеро, третьего принца Родонской Империи, ждет много сюрпризов, приятных и не очень

Не может быть!

Я никак не мог поверить в то, что мне могло настолько повезти.

Мешал скептицизм, хотя логика вовсю утверждала, что другого объяснения нет.

Первой мыслью, когда я обнаружил в постели незнакомую девицу, было — это проверка на лояльность Великому Императору. Мы, трое братьев, не были друг другу конкурентами: никому из нас не светил имперский престол. Нам было предназначено (Великим Императором) стать правителями соседних государств и, опять-таки, каждому своего. У каждого из нас была своя сфера ответственности в Родонии. Старший, замороженный, как Ледяной океан, Дейчи отвечал за настроения в народе. Полоумный Юдай — за армию. По моей части была борьба с неугодными.

У нас не было серьезных причин быть врагами.

Враг у нас был общий.

Но и друзьями мы не были — мы были сыновьями Великого Императора Киюши. Живыми сыновьями. А значит, использовали всё, что стоит, лежит или движется, в своих целях.

А иметь дополнительный рычаг давления на того, кто отвечает за Тайную Службу, полезнее, чем не иметь. Поэтому первое, о чем я подумал: кто и чего хочет от меня добиться, подсунув мне под бок незнакомую девицу?

Но эта — самая логичная и очевидная версия, — разбивалась о слова и поведение самой девицы. Она совершенно не понимала, где она и чем ей это грозит. Только один человек (если это человек) на моей памяти был способен рассуждать столь же рационально, но неправильно (неожиданно, раздражающе, возмутительно), — моя редкая ночная гостья Алёна, королева Ледении — королевства, между прочим, предназначенного мне!

И когда златоволосая Сандра подтвердила, что знакома с Аленой, у меня в голове всё сложилось.

Я полагал, что появление таинственной гостьи в соседнем королевстве стало результатом усердного труда Эльиньо и его Тени по поиску спасения. И если бы не грань войны, на которой мы все стояли, я бы даже рискнул спросить саму Алену, где себе найти такую же. Или похожую, раз уж переманить ту не удалось.

В случае, если бы она у меня появилась, хотя беременной леденской королеве появляться у родонского принца сомнительная и весьма опасная затея.

Но что если леденцы ничего не делали? Что, если Алена взялась, просто — раз! — и сама внезапно появилась под боком щенка Эльиньо, не понимая, где она, кто перед ней и как она здесь оказалась?

Чем дольше я глядел на свою ночную находку, тем острее понимал: никому её не отдам. Даже если она не обладает способностями своей товарки из Ледении, такую экзотику я хочу оставить себе. Ее внешность была чужеродна, но когда я пообвыкся, то оценил. Ни разу не видел таких волос. Черты лица были тонки и нежны, а тело имело правильные пропорции и нужные изгибы. Мне не удалось получить в наложницы Алену. Но Сандра чисто в позиции лежа (стоя, нагнувшись, — я уже по-разному ее себе представил) мне нравилась больше.

И она утверждала, что ничуть не уступает леденке в магических талантах, и даже превосходит.

Правда, я не поверил её интонациям, и когда Сандра заявила, что на неё не действует магия, первым моим желанием было швырнуть файерболом. Хорошо, что я этого не сделал.

Потому что она соврала.

Она пока не знала, как опасно мне лгать, и чем за это придется заплатить. Я пока и сам не решил, но для начала был готов довольствоваться постелью, раз она так легко поддавалась соблазняющим чарам.

И уже настроился получать удовольствие, когда что-то в девушке изменилось.

Ее взгляд вдруг стал отрешенным. Зрачки были расширены, но не от возбуждения. И не от страха. Словно из неё смотрел кто-то другой.

Буквально мгновение назад она была готова развести передо мной ноги, и в следующий момент потеряла всякий интерес. Я добавил Силы, но она словно лилась в дыру.

Нет, так не пойдет.

Я остановил заклинание.

А Сила всё продолжала из меня изливаться.

— Сандра, прекрати. — потребовал я, но ни единый мускул не дрогнул на ее лице, будто она не слышала, а ручеек изливающейся Силы окреп. — Сандра?.. Сандра!

Она смотрела на меня, словно неживая, продолжая тянуть магию.

Вот сейчас было самое время врезать по ней файерболом, но если она так отреагировала на невинное соблазнение, большой вопрос, что она устроит на прямую агрессию.

Я схватил ее за плечи и встряхнул:

— Сандра!

— А?.. — В глазах появилось осмысленное, хоть и не очень выражение.

Я мысленно выдохнул и встряхнул на всякий случай ещё раз, и — о чудо! — отток Силы прекратился.

— Что это было? — Я старался придать голосу и рукам твердость, хотя и то и другое пытались предательски дрожать.

Взгляд Сандры наконец сфокусировался на мне, и она скинула с плеч мои ладони.

— Руки прочь от советской власти! Ничего не было!

— Хорошо. Не было.

Я не стал уточнять, что это за власть такая, которой она обладает. В другой раз. На сегодня мне хватило впечатлений.

— Меня кто-то звал... — растерянно проговорила Сандра, кутаясь в покрывало.

— Я! — ткнул пальцем себя в грудь. — Я тебя звал.

Оно помотала головой:

— Нет, ему было плохо. И страшно.

— Да! Мне было плохо! И страшно!

— ...Он сначала был голоден... — продолжала она, будто ни на что не намекая.

— Я больше так не буду!

— Можно мы просто поспим? Я очень устала.

— Можно.

А я-то как устал!

Я переполз от Сандры подальше, на другой конец кровати, запахнул халат и отвернулся, поджав к груди колени. Руки слегка потряхивало от накотившей слабости. Давно я не терял столько Силы за столь короткое время, и сейчас чувствовал себя примерно так, как если бы меня проклинали.

— Здесь держат детей? — ни к месту спросила Сандра. По шуршанию и колебаниям кровати я понял, что она улеглась, а по тому, как звучал голос, — тоже спиной ко мне.

— Ты хочешь детей?

Это была проблема. И как о ней сказать, учитывая потенциальную реакцию, я не представлял.

— Ты что, с ума сошел?! — О, обернулась. Это я по голосу определил.

Встретаться взглядом с взбешенной фурией у меня не было ни малейшего желания.

Тем более, меня такой ответ полностью устраивал.

Я сунул руки под подушку.

— Тогда какие дети тебя интересуют?

— Ну... вообще. Интересно.

— Вообще маленьких детей в Императорском дворце стараются не держать. Слишком опасно.

— Да? А чем?

Она развернулась лицом ко мне.

— Ты же спать собиралась? — Мне тоже пришлось.

Сандра лежала, поджав колено, также сунув ладони под щеку.

— Ну я имела в виду, что просто спать. Спать — и всё.

— Ну и спи!

Я снова отвернулся.

Прямо сейчас я собирался уснуть и искренне надеялся, что мне приснится Алена. У меня к ней было очень много вопросов. Например, откуда они обе взялись? Как правильно с ними, а конкретно — с Сандрой, общаться? Есть ли у неё ещё какие-то тайные способности?

Одно я знал наверняка: дворец — слишком опасное место не только для детей, но и для женщин. Особенно — имеющих особый дар. Сродни дару нашего рода, но при этом совершенно другой. Если отец узнает о существовании Сандры, конец и мне, и Сандре.

А у меня на меня и Сандру совершенно другие планы.

Поэтому завтра любым способом нужно будет вывезти её отсюда.

Куда-нибудь.

Тайно.

Я зевнул. Вот этим я и займусь завтра с утра.

А сейчас пусть мне приснится Алена.

А Сандра пусть утром никуда не исчезнет.

Я проснулся, как всегда, по вбитой с детства привычке вставать засветло и сначала не смог сообразить, почему не выспался и чувствую себя древней развалиной. Но потом вспомнил, потому что к моей спине прижималось тело, судя по формам — женское.

В этот раз я отреагировал спокойней, осторожно развернулся и обнаружил на кровати свою гостью.

Если подвести итоги ночи, то они были положительными: я не убил её, она не убила меня, нас двоих не пустил в расход Император.

Можно сказать, это победа.

На данном этапе.

Из плюсов: у меня появилось уникальное оружие, о каком я никогда не слышал. Оружие очень мощное, которое сразу меняет баланс сил при дворе.

Из минусов: я понятия не имею, как им пользоваться.

Из плюсов: это девушка, а значит, её можно соблазнить.

Из минусов: на магию у неё нездоровая реакция, так что придется обходиться какими-то другими способами. Не то чтобы я их не знал, нас учили искусству расположения к себе с детства, только так можно было выжить в суровом мире: нравится сильным. Но с чарами любое дело проще, и я немного разленился.

К тому же Сандра — женщина, а совместить в голове “сильный” и “женщина” не удавалось.

Алена во сне не пришла. Могу её понять.

Нужно подумать, как с помощью своих каналов передать ей просьбу о встрече.

Так, чтобы никто не понял, что происходит, и не сдал меня папуле с потрохами.

Это непростая задача: все международные контакты он контролировал лично. Да, я мог выйти на наших людей в Ледении, но никто не должен узнать, что мои действия расходятся с интересами Императора. Поэтому я, пожалуй, пару ночей подожду: вдруг она сама появится?

Я осторожно поднялся с ложа и вышел из комнаты, чтобы раздать распоряжения.

По коридорам бесшумными теньями сновали поломойки. Император не выносил грязи, поэтому каждый клочок полов, стен, дверей ежедневно отмывали, чтобы не единого пятнышка. Вообще, мне кажется, чем больше грязи внутри, тем ожесточенней человек борется за чистоту снаружи.

Впрочем, я не уверен, что в отношении Императора можно использовать слово “человек”.

Он и сам себя человеком не считал.

Поломоек и прочий чернорабочий люд папаня тоже не выносил. Поэтому все обслуживающие работы: уборка, ремонт, смена белья, стирка одежды, чистка обуви — совершались до его пробуждения. Потом коридоры пустели до заката: тогда Император запирался у себя, погружаясь в думы о будущем мира, и занимался своими черными делами.

В промежутках между пробуждением и затворничеством по парадной части дворца дозволялось ходить лишь самым доверенным и приближенным, или тем, кому не посчастливилось оказаться вызванным по важным императорским делам.

Я нашел распорядителя и обозначил свои планы: во-первых, я полночи работал, поэтому завтракать буду позже, вызову из кухни, когда буду готов. Во-вторых, я планирую временно удалиться из дворца для медитаций — в конце концов, провал леденской миссии вполне достойный повод для уединения. Сначала я съезжу, всё организую, после обеда вернусь за вещами. Мне будет нужна грузовая повозка.

Отдав распоряжения, я вернулся досыпать. Отличный же план!

Глава 3,

в которой Александра занимается ориентированием на местности

Я так и не поняла, что со мной случилось, но в тот самый момент, когда я была готова выпрыгнуть из трупов, я словно разделилась.

...Вокруг было темно. Я ощущала себя ребенком, который находится в каком-то тесном, замкнутом помещении. Мне было страшно, одиноко и очень хотелось есть. У меня-взрослой даже мелькнула мысль, что это какие-то мои детские травмы вытесненные всплыли, но тут внутренняя камера я-ребенка переключилась на кривое деревце-бонсай в горшке, который был с меня высотой. Такого в моем детстве точно не было. Я-ребенок смотрел снизу вверх на звездное небо в широких окнах вдоль какой-то галереи со смутной надеждой. Потом внутренний взор словно снова моргнул, и я оказалась в широком, тускло освещенном зеленоватыми ночниками помещении с креслом на постаменте. Как трон, честное слово. Вот это меня затаращило! Камера снова моргнула...

И тут я обнаружила себя в спальне азиата, который тряс меня за плечи.

Морок пропал, но не бесследно.

Я четко помнила этот бонсай, и абрисы стриженные кустов в свете звезд, и черный пугающий трон — словно видела всё своими глазами.

А ещё я чувствовала, что ребенку нужна помощь.

Он надеется.

Это было странное чувство. Иррациональное. Я осознавала, что даже если этот ребенок где-то существует на самом деле, ни один закон физики не позволит ему связаться со мной. Мы же взрослые люди. Мы же знаем, что телепатии не существует!

...Но возможно, пока меня везли сюда, я в бессознательном состоянии видела что-то такое, что вылилось в эти видения?

Забавно, что после того как я выпала из галлюцинации, поведение моего соседа по спальне резко изменилось. Видимо, его сильно напугало то, что я на какое-то время потеряла связь с реальностью. Из чего следовал оптимистический вывод: на самом деле конкретно этот чел не настроен причинять мне вред.

Он, конечно, с придурью, но не поехавший крышей маньяк — точно. Пощечина, скорее всего, была спровоцирована страхом. Как только он понял, что я безопасна и даже уязвима, то расслабился. А может, принял меня за такую же присвистнутую — хрен знает, что у него там в голове творится. Я в своей-то голове разобраться не могу, смысл про чужие говорить?

Постепенно мысли мои стали путаться, вязнуть в дреме, и последний вывод, который я запомнила: выбранная роль “чудо какой дурочки” в данной ситуации работает.

...А ребенка нужно найти.

...Ночь была полна странных видений, о которых не хотелось думать. Пробуждение не принесло облегчения: я обнаружила себя там же, куда положила себя перед сном, на траходроме под красным балдахинном. В том же, в чем была: в покрывале поверх больничного нетканого халата, который, в свою очередь, был надет поверх белья. Мужика, представившегося “его высочеством”, рядом не было. Он нашелся за столом неподалеку со свитком в руках.

Со свитком!

И чернильницей с пером!

Ох ничего себе, они тут заморочились!

Может, это типа вариант экстремального отпуска с полным погружением в мир исторических дорам? Баба в качестве наложницы с учетом вкусов клиента — комплимент от повара, типа. Интересно, а пластика в стиле айдолов тоже входит в стоимость, или это мне так повезло?

— Доброе утро, Сандра! — Хозяин (гость или пленник, я совсем запуталась!) траходрома оторвал от свитка бесстрастный взгляд и обдал меня морозцем.

Бр-р-р-р, прямо до самого-самого пробрало! Вчера он производил более темпераментное впечатление. До тех пор, пока что-то пошло не так...

— Доброе утро, ваше высочество!

— Зови меня Джеро.

Ого, какой прыжок по социальной лестницы! От мордобития к панибратству. Биполярочка? Или таки переосмысление ночного эпизода? Может, он тоже сделал для себя какие-то выводы.

...Знать бы ещё, какие.

— А по-настоящему вас как зовут?

— По-настоящему Джеро, — тоном терпеливого педагога ответил тот.

Ладно. Пусть будет “Джеро”. Мне по барабану, как звать: хоть Леголасом, хоть Северусом Снейпом, хоть Наполеоном Бонапартом. От меня не убудет.

— Это японское имя? — Я поднялась, кутаясь в покрывало.

— Родонское.

— Впервые слышу. — Наверное, что-то из вселенной, которую эти психи отыгрывают.

Джеро поднял на меня удивленный взгляд.

Да, я не смотрю дорамы! Скажите спасибо, что я вообще знаю, что это такое!

— Сейчас я велю подать завтрак. Комната для уединения там, — он указал в ближний угол. — Тебе нельзя высовываться, пока здесь будет прислуга.

Очень сложно у них тут всё устроено. Какие-то непонятные правила игры. Ну ладно, буду разбираться в процессе. Я кивнула, пошла, куда сказали, запуталась в покрывале и чудом не растянулась — ну как, просто за столбик балдахина успела схватиться.

— Джеро, а у вас тут можно как-то... переодеться? — Я поймала слетевшее с плеча покрывало.

— Да, конечно, Сандра. Я сегодня привезу наряды для тебя.

— А можно, я лучше домой пойду? — Сирая и убогая, которая в этой крутой игре даже одеть себя не в состоянии.

— Нет, Сандра, к сожалению, это невозможно. — Джеро всё с той же невозмутимой физиией вернулся к своим свиткам.

Я же должна была попытаться? Не выгорело так, попробуем другим способом. Я всё равно здесь не останусь! И пока Джеро собирается сегодня отбыть за нарядами, попробую осмотреться на месте.

...И поискать ребенка.

Даже если он существует только в моем воображении.

— Ладно. Хорошо. Везите, что вы там хотите. А сейчас во что-нибудь можно что-то надеть? — Потому что в моем теперешнем виде хорошо только приключения на задницу ловить, а не совершать разведывательные рейды.

— Мне нравится то, во что ты одета, — прокомментировал Джеро, что-то чирикавая пером. Ну, конечно! Пока я спала, он всё там рассмотрел! Не даром же меня в это всё переодели в больнице! — Необычная ткань.

— Это неткань! — мстительно поправила его я.

— А что? Какой-то вид иллюзии? — В его взгляде мелькнуло нечто, напоминающее интерес.

Я закатила глаза. Не рождена я реконструктором, не стоило и начинать! Там, в мире нормальных людей, целая очередь, наверняка, жаждущих девиц, почему не взяли их?

— Джеро, дайте мне, пожалуйста, что-нибудь из нормальной одежды. Обещаю, что после этого отдам вам свой наряд, и вы сможете его изучить со всех сторон!

Его высочество неожиданно оживился:

— Сейчас! — Он встал и сдвинул тонкую дверцу встроенного шкафа возле окна. За ней открылись ряды аутентично скроенной Т-образной одежды на гигантских палках-плечиках во всю длину рукавов.

Я аж присвистнула:

— У вас смена костюмов по три раза за акт?

Он ледяным тоном прокомментировал:

— Обычно я занимаюсь этим без одежды...

Очень, блин, смешно!

Я скептически осмотрела сценические богатства.

Не впечатляет.

Не в смысле, что вообще. А применительно ко мне.

Я подошла, выбрала халат, который показался поменьше, и натянула на себя. Если вы представляете, как выглядел костюм Пьеро, то у меня было примерно то же самое, только красное в черных драконах: рукава заканчивались где-то в районе колена, а подол печально стелился по полу. Нет, в этом из меня тоже партизан, как из овцы — балерина.

— Я в этом утону!

— Тебе совершенно не нужно в этом плавать!

Да Джеро просто остряк! Я развернулась сказать ему всё, чего он заслужил своим тонким чувством юмора, но снова запуталась в покрывале и прочей капусте в руках так, что потеряла равновесие. А пока я искала его, утратила то, что прикрывало мое неглиже. В итоге вид вышел очень неподходящий для отстаивания чести и достоинства. Я запоздало прикрылась.

— У вас очень любопытный наряд, Сандра. Для чего он предназначен?

Может, это какие-то самоизолировавшиеся сектанты, которые принципиально не используют никакую химию и синтетику?

— Я попала сюда из больницы. Меня увезли на скорой, мне было очень плохо, я чуть не умерла, кажется. Делали какие-то капельницы, я смутно помню. Возможно, мне снова стало хуже, и я оказалась в реанимации. И вот там на меня надели это. Очень хотелось бы получить назад свою нормальную одежду.

Джеро серьезно кивал головой. Но думал о чем-то другом. Во всяком случае, меня он не слышал, а если и слышал, то не понимал. Потом его взгляд вдруг вновь стал осмысленным.

— К сожалению, Сандра, мне больше нечего тебе предложить. Это вся моя одежда.

— А кто-то ещё здесь есть? Вы же вот обслуживающий персонал вызвать собирались. — Да! Я аж загорелась от этой гениальной мысли! — Может, у них что-то из униформы попросить?

— Ты имеешь в виду прислугу? Ты хочешь надеть одежду бедняков?

— А что тут такого? — Я чуть было не ляпнула, что и сама не из Рокфеллеров, но подумала, что не стоит сразу в этом признаваться. Вдруг я сумею убедить Джеро, что за меня могут заплатить выкуп? Мне главное со своими связаться! Поэтому я в полете переобулась: — Это же ненадолго! Главное, чтобы по размеру было. Я не привыкла в таком ходить.

— Ходи в своем!

— А в этом не ходят, в этом лежат!

Джеро понимающе закивал, явно подумав не о том.

— Хорошо, если ты так просишь...

— Очень прошу! — Я запахнула его халат поплотней и сложила ладошки свечкой. — Спасибо, Джеро, ты настоящий друг! — Лицо собеседника исказилось, видимо, я что-то не то сморозила. — Ладно, всё, побежала уединяться, — быстро поправилась я и, подобрав полы, поспешила в противоположный угол.

Что я могу сказать?

Уединяться тут было принято с размахом! Правда, всё аутентичненькое: не душевая кабинка, а мини-бассейн с мраморными ступенями и зеркалом во всю стену. Люди знают толк в том, где прятать пленниц. Умывальник реально золоченый, правда, вода из него лилась только холодная. Зато в фарфоровую раковину с нарисованными золотыми рыбками! Над умывальником стояли ряды расписных фарфоровых баночек с какими-то крафтовыми ароматными составами. Я решила не рисковать, и прежде чем использовать, расспросить об их назначении владельца. Не хотелось бы какой-нибудь антигеморроидальной мазью вокруг глаз мазать. Оно по составу может и полезно даже, но сам факт...

Унитаз был не унитаз, а настоящее мягкое кресло с дырой, причем без характерных запахов. Даже неловко нужду на таком справлять, ощущение, что прям в офисе сидишь и эта-опа делаешь, честное слово! Тем более что туалетной бумаги я нигде не нашла.

Чистое полотнище на штырьках-вешалках было одно. То ли предназначено специально для меня, то ли хозяин не парился вопросами гигиены. Я сюда всё же через больницу попала, там меня наверняка проверили на все возможные инвазии, включая глистов, так что Джеро по поводу моего здоровья можно было не париться.

Больше всего меня напрягало отсутствие защелки на двери. Но если бы со стороны Джеро мне что-то угрожало, ночью у него были все козыри в руках. И всё же я по-быстрому привела себя в порядок, натянула утащенный с собой халат, подвернула-обернула его, где могла, чтобы в нем хотя бы передвигаться можно было безопасно, и пошла на выход. И благо успела притормозить, потому что напрочь забыла о том, что мне надлежит прятаться. Но в этот момент дверь сдвинулась. Сама собой. Наверное, какой-то фотоэлемент сработал, потому что за ней никого не обнаружилось.

Я осторожно выглянула.

Джеро оставался, где был, за низким столиком, но теперь вместо свитка и чернильницы на нем размещались тарелки.

Завтрак — одно из самых прекрасных изобретений человечества! Он может сравниться только с обедом, ужином и ортопедической кроватью. Я спокойно перекусила чем-то, похожим на творог, но выложенным в причудливую форму, со свежей булкой и стаканом молока. Джеро какое-то время сидел неподвижно, наблюдая, как я ем, потом, убедившись, что большую часть яств я не просто не осилю, — даже не попробую, тоже присоединился к трапезе.

Он намазал на кусок хлеба какую-то закуску, — я бы предположила, что паштет, но кто его знает, из кого ее готовили? — откусил и между делом поинтересовался:

— А там, откуда ты приехала, травить людей ядами не принято?

Я поперхнулась молоком, и только представленная ко рту салфетка спасла халат Джеро от поругания.

— А у вас принято? — смогла я спросить, когда наконец прокашлялась.

Джеро оставил вопрос без ответа, и я не поняла: это его очередная тупая шутка или попытка напугать?

Вот так, в милой, непринужденной обстановке висящей над столом недосказанности, мы и поели.

Не знаю, когда Джеро подсутился по поводу одежды, или та всё же где-то лежала и ждала своего часа, но она обнаружилась на идеально расправленном покрывале кровати в виде красной стопочки. Ткань была довольно грубая, намного толще, чем халат, надетый на мне

сейчас, но сложена была без единой складочки, словно только с конвейера. Зато этот прикид — штанишки и куртка-кимоно с запахом — на вид был мне как раз.

Заметив мою радость, Джеро поинтересовался, действительно ли я хочу надеть на себя рабочее кимоно дворцового служащего пятого разряда. Будто это, не знаю... как чужое грязное белье после душа. Я заявила, что в местных разрядах ни в зуб ногой, но буду благодарна, если Джеро обойдется без откровений. Вдруг это знание нанесет мне моральную травму?

Его высочество зависло, видимо, не зная, что на это ответить, а я быстренько сбежала в ванну.

О, да! Не могу сказать, что костюмчик был как по мне шит: штаники я бы предпочла подлиннее, курточку поприталенней, но нигде ничего не болталось. Я завязала пояс и осталась вполне довольна своим отражением. Жесткая ткань скрыла лишние для постороннего взгляда детали моей фигуры. Только моя боль с детства, белобрысая кудрявая шевелюра, никак не хотела лезть в маленькую шапочку а-ля старшая сестра тубетейки.

Когда я вернулась в комнату, со стола уже всё убрали. А в одежду Джеро добавили — слоя три, не меньше. Подкладные плечики сделали и без того маскулинную фигуру еще более тестостероновой. Тяжелые черные волосы были собраны на макушке в длинный хвост.

Вот познакомься я таким шикарным мужиком где-нибудь... в нормальном месте, а не в его реконструкторском лежбище, я бы сама себе позавидовала! Но на поясе красавчика висела внушительная катана, напоминая, что мой новый знакомец немного не в себе. Потому я призвала себя поубавить восторгов.

— Сандра, ты обещала отдать мне свой наряд, — напомнил мне Джеро.

— Ту сек! — Я нырнула в ванную и вручила ему сложенный больничный халат.

— Он называется “тусек”? — с протокольной физией пошутил прынц.

— Ага. Именно!

— Благодарю, Сандра, за ценный дар, — продолжал он прикалываться надо мной. — Я вернусь к полудню. Велел никому не заходить в покои в мое отсутствие, но будет лучше, если большую часть времени ты проведешь в комнате для уединения. Так безопасней. Тогда тебя здесь точно никто не найдет.

— Хорошо, Джеро, я поняла! — покивала я.

Нет. Точно меня никто не найдет, если меня здесь не будет!

Джеро скрылся за дверью, но её не запер. Я вообще не обнаружила замка, как и в санузле, что склоняло меня к гипотезе лечебницы для душевнобольных. Правда, моего появления здесь она не объясняла. Но ничего. Сейчас сориентируюсь на местности, и всё станет ясно!

Вопрос волос меня по-прежнему волновал, поскольку по ним меня слишком легко опознать — натуральных блондинок вообще на свете мало, говорят, мы исчезаем как явление. А здесь им по антуражу быть не положено.

Джеро сам дал мне доступ в свой гардероб в обмен на одноразовый нетканый халатик. Его никто не принуждал, он сам, добровольно. Поэтому я без зазрения совести открыла дверцу в поисках чего-нибудь подходящего. В глубине гардеробной, сбоку от палок с халатами, обнаружила этажерка с маниакально-аккуратно сложенной одеждой. Там были светлые подштанники, тонкие белоснежные рубашки-распашонки на ленточках-завязках, которые я идентифицировала как нательное белье, цветастые широченные штанищи из разного материала: грубые, тонкие, теплые. Но для моих целей все это не подходило. А вот несколько расписных шелковых платков словно были для них созданы.

Выбор был не очень большой: золотой слишком притягивал внимание. Спецовка, которую мне выделили, была в красной гамме, но ближе к грязному свекольному, так что ало-красный мне тоже никоим боком к не подходил. И также смотрелся костром в темном лесу. Только

черный выглядел более-менее неброско. Его я и повязала на манер банданы. Вид в зеркале вышел залихватский и даже бандитский.

Немного огорчал факт, что придется идти босиком, прямо гладенькими, на днях отпедикюрными пяточками. У Джеро в гардеробе стоял целый ряд вьетнамок, как у топовой модницы, на все случаи. Плюс несколько пар сапог. Но по размеру в одну тапку помещались две мои стопы. На какие только жертвы не пойдешь ради свободы!

Сначала я собиралась выйти в дверь. Но вдруг её караулят? И тут я такая — берите меня всю! Чувство самосохранения не советовало пользоваться этим вариантом. Тем более что в помещении были окна. Ими пользоваться чувство самосохранения тоже не рекомендовало, но кто не рискует, тот может застрять здесь навсегда.

Осмотрев конструкцию окон, я сообразила, что они входят в сплошную панель во всю стену высотой. Стекла были закрыты бумажной рулонкой — как бы не ручной росписи — в стиле азиатских акварелей. Правда, сюжет был скорее под стать Сибири: еловые веточки с шишками, но на фоне горных склонов в дымке облаков. Скрутив шторину трубочкой, я выглянула наружу.

По ту сторону окна обнаружился ухоженный сад: цвели кусты и зеленели невысокие, аккуратно подстриженные деревья, за которыми просматривалась темная стена. Растения, с одной стороны, были мне защитой, с другой — ограничивали обзор.

Решетки не было. Идея выйти в окно казалась всё более привлекательной — если я найду, как эти окна открыть. Я проверила все остекленные панели (их было пять в купальне и семь в комнате) и уже успела отчаяться, когда одна — последняя, возле самого гардероба, — поддавалась и сдвинулась в сторону. Прямо передо мной высилась какая-то раскидистая ракета или ещё какая хтонь, я в ботанике не сильна, но для моих целей она подходила идеально.

Я прислушалась. Снаружи весело пели какие-то птички. Точно не воробьи. И не синицы. А остальных я ни на вид, ни на слух тем более не распознаю, в орнитологии я тоже не Эйнштейн. Главное, что я не услышала шагов и голосов! Я сдвинула створку, быстро выскользнула наружу и закрыла как было.

Фух!

Первый шаг к свободе — самый страшный.

Теперь-то мне терять нечего!

Я шмыгнула под дерево, прижалась к нему спиной и огляделась.

Передо мной, направо и налево, тянулась стена однотипных резных панелей, периодически — со стеклянными вставками. Из плюсов — стекла были завешаны бумажными жалюзи, значит из них меня не увидят. Из минусов — они все похожи, как смартфоны с одного конвейера. Я осознала, что могу лишь по направлению предположить, откуда вышла. И то примерно.

Я, конечно, настроена сбежать.

И хотелось бы побыстрей.

Но здравый смысл подсказывал, что вряд ли мне это удастся с первого раза.

Подергав несколько панелей и испытав все прелести панической атаки, я нашла вход, который послужил мне выходом, отломив веточку цветущего кустарника и положила возле неё. Отлично! Дорога к отступлению была готова, и теперь я могла начать свое триумфальное шествие по незнакомой территории.

Я перебралась на другую сторону дерева, так, что комната Джеро осталась за спиной. Ну что сказать? Я оказалась в некоем местном варианте патио, что объясняло отсутствие решеток. В центре дворика находился маленький живописный прудик. Вокруг, среди как по линейке скошенной травы, были разбросаны пятна клумб и идеальные шары стриженных кустов. А между ними торчали внушительные куски скальника, придавая садику нотку брутальности.

Строя из себя крутого шпиона, я, двигаясь короткими перебежками, изучила его по периметру. С трех сторон патио ограничивалось стенами, вроде той, откуда я вышла. А вдоль

четвертой, напротив той, где находилась комната Джеро, тянулась открытая терраса. Вот там стекла были во всю высоту. Такие чистые, что я сперва подумала, что это проход, но под определенным углом поймала в них отражения.

Подобравшись с теневой стороны, я устроила у ближайшего стекла наблюдательный пункт.

Проторчала там довольно долго, отсидела ноги, но так никого и не встретила, — в смысле, не увидела. Там, в коридоре, было пусто! Сквозь стекло было видно, что в глубине на стенах висят какие-то темные изображения, но чтобы их разглядеть, не хватало света.

Было любопытно: что же там такое? Возможно, какая-то подсказка. Вдруг там карты? Или схемы эвакуации при пожаре? Да мало ли чего полезного могут повесить на стены?

И раз там никого нет, значит, мне ничего не угрожает, верно?

Я сделала короткий рывок к кусту, который почти вплотную подходил к ограждению террасы. Отсюда стены было видно лучше.

Но взгляд мой прикипел ни к ним.

А к невысокому деревцу-бонсаю, точной копии того, что я видела в своем видении.

Глава 4,

в которой Александра восхищается спецэффектами

Так.

Так!

Значит, я всё же здесь была и это всё видела.

Значит, и ребенок где-то есть.

Я, конечно, не героиня. В смысле, подвиги — это не мое. Мое — сидеть в офисе за компьютером. Но там — ребенок, он беззащитный, ему страшно.

Не уверена, что у меня получится его спасти.

Но если я даже не попытаюсь, точно никогда себя не прощу.

Тем более что он где-то совсем рядом с этим деревом. Я точно помню! Только не знаю, направо от него или налево... Но недалеко.

Набрав для храбрости полные легкие воздуха, я сделала быстрый выдох, стремительной ниндзей перемахнула через ограждение террасы и прижалась к простенку между стеклами. План мой был прекрасен. Но стекла не двигались. И даже не имели никаких приспособлений для движения. Ну если вдуматься, стекла до потолка и не должны двигаться, да?

Но если есть терраса, значит, на неё как-то выходят?

Я метнулась к другому простенку, оглядывая стены в поисках неровностей. Дверь обнаружилась в противоположном конце. Она идеально ровно срасталась с поверхностью, но там была ручка! Я потянула на себя — и какое счастье, она так и открывалась! И не была заперта! Впрочем, здесь, кажется, вообще не принято запирается.

Возможно, запрещено религией.

Или правилами лечебного учреждения.

То, что дверь открывалась внутрь, давало мне возможность прислушаться, оставаясь незаметной, если бы кто-то шел по коридору.

Но по коридору никто не шел.

Разве что крался, как я. Потому что звуков не было. Сунула нос в дверь и посмотрела по сторонам: пусто! Фух! Какое счастье! Скользнула внутрь и оказалась в небольшой нише. Вдоль стены, выходящей на террасу, стояли горшки с кривыми изуродованными деревцами. Основной коридор пролегал чуть впереди, и это было чудо как здорово. Я вжалась спиной в боковой простенок (будто это сделает меня невидимой, особенно если идти будут с другого направления!) и, наученная горьким опытом, решила запомнить, где выход. Подняла взгляд...

...Если бы я никогда не увидела этого живописного полотна, я бы ничего не потеряла! Картина изображала одетого в латы азиата с перекошенным лицом (видимо, так художнику представлялась невероятная крутость) с воздетой вверх рукой. Перед ним, сколько на холсте хватало места, были видны коленопреклоненные люди. Не азиатской национальности. Один из мужчин, стоящих (на коленях) в первом ряду, держал на вытянутых руках блюдо... с чьей-то отрезанной головой! Бр-р-р-р-р... Это правильно, что я не смотрю дорамы! Я такое не люблю!

Перевела взгляд на следующее эпическое полотнище. Группка наездников — понятно, азиатов, — смотрела со склона горы на пылающую крепость. В руке самого кровожадного по выражению сиял огненный шар. То есть здесь не просто дораму косплеят, а ещё и фэнтези! Вот фэнтези я прям очень не очень. Все эти магии-шмагии, волшебные палочки, которые — вжух! — и справедливость победила, негодяи мертвы, — это такая чушь! Ну согласитесь? Справедливость вообще практически никогда не побеждает.

Только если зло само сдохнет от старости, тогда.

На остальных картинах, сколько я могла видеть, тоже изображались подвиги азиатов и страшные корчи их врагов. Не-не, интуиция мне сразу верно подсказала — нужно делать ноги отсюда!

Там, за картинами, внутри, как я помнила из видений, находится большой зал. Мне туда не надо. Мне нужно на эту сторону. Но направо или налево? Поскольку у меня не было подсказки, я решила начать с ближайшей двери.

Бесшумно передвигаясь босыми ногами в полной тишине, я подошла к ней и приложила ухо к щели. Там было тихо. Совершенно тихо.

Возможно, остальных психов ещё не завезли, Джеро — первый. Я осторожно потянула дверь на себя...

Внутри было светло. Ослепляюще. Лучи солнца через открытые стекла сияли мне прямо в глаза. Когда зрение наконец адаптировалось, и я поняла, что ошиблась: здесь находился не ребенок, а мужчина. Взрослый. Он махал руками над разложенными на столе цацками — ювелир, видимо. Блин! Я стала осторожно закрывать дверь — честное слово, совершенно бесшумно! — но он каким-то образом меня почуял и начал оборачиваться.

Я захлопнула дверь одним махом и рванула со всех ног, лишь после гопки поджигателей на холме сообразив, что выход к саду остался за спиной. Я потеряла драгоценные мгновения и теперь неслась до любой другой двери. За стену с картинами, в полутемное помещение. Без окон. Туда, где это большое кресло. Если видение мне не соврало. Я добежала до двери и рванула её на себя... И ур-ра! Да, всё именно так, как мне виделось: тусклое освещение, кресло-трон на постаменте. Я бросилась за него и постаралась слиться с черными тенями.

“Тук-тук, тук-тук, тук-тук!” — стучало сердце, отсчитывая мгновения. Никто не торопился врываться сюда и меня хватать. Возможно, я вообще всё придумала... Я села на ступеньку с задней стороны трона и прижалась к нему спиной, вытягивая затекшие ноги.

Бах!

Дверь распахнулась, как с пинка, и я перестала дышать.

— Здесь никого нет! — прозвучал хриплый мужской голос.

— Но господин Юрохо, он никуда больше не мог сбежать... — второй голос звучал неуверенно и даже трусливо, я бы сказала.

— Думаю, тебе привиделось.

Да-да-да-да, вам всем привиделось! Я — галлюцинация. Меня тут нет. И никогда не было.

— Но господин Юрохо, дверь была открыта...

— Сквозняк!

— Я видел кимоно дворцового служащего пятого разряда!

— Вы устали, господин Иори.

— ...И черный шелковый платок с багряным Змеем, — почти прошептал ювелир Иори. Ц-ц-ц-ц! Ты посмотри, какой глазастый!

— Вы в своем уме, господин Иори?! — тоже шепотом ответил ему хриплый голос. — Какой служащий осмелится появиться в Императорской половине дворца в такое время с Платком Скорби принца Джеро?

Вот тут до меня дошло! Это всё — постановка ради единственного зрителя. Не знаю, зачем, но, похоже, эти статисты у двери должны меня убедить в том, что красавчик Джеро — настоящий принц. Это же натуральный газлайтинг!

Я настолько психанула, что собралась вставать, развернулась, чтобы опереться о кресло, но наткнулась ладонью на какую-то колючку.

В следующий момент над троном полыхнуло зеленое свечение — как северное сияние, только в комнате. Наверное, голограмма. Но красиво. Я так и зависла.

— Й-й-я ничего не видел... — проблеял тот, который с хриплым голосом, и я даже засомневалась, он ли это.

— М-меня... вообще... тут не было. Я сидел у себя и н-ни-никуда не в-вы-выходил! — поддержал его Иори.

Дверь тихо закрылась.

А я продолжала любоваться сиянием.

Спецэффекты тут конечно зашибись!

Я ждала какого-нибудь подвоха или второго акта пьесы, но его не последовало.

Сердце понемногу успокаивалось.

Понятно, что это какая-то игра.

Непонятна её цель.

Зато ясно, что я в ней играю роль футбольного мячика. Но ведь у мячика должны быть все шансы дожить до конца игры, ибо иначе какой в ней смысл, правда?

И всё же раз мы все делаем вид, что у нас тут всё по-серьезному, я решила дать время статистам выстроить мизансцену, и только потом выйти на поиски ребенка.

Интересно, они вообще в курсе, что я знаю о его существовании? Или бонсай, этот зал, ребёнок — это всё ложные воспоминания, продукт гипноза?..

Нет, так я додумаюсь до какой-нибудь “Обители Зла”. Я решительно поднялась.

Сейчас быстренько проверю другую комнату — для очистки совести — и вернусь дожидаться Джеро. Еще раз попробую поговорить с ним начистоту.

Теперь, когда я встала, сияние оказалось совсем рядом. Только руку протяни.

Протянула. Интересно же, откуда проектор работает?

Я погрузила пальцы в зеленый свет, который оказался неожиданно густым наощупь, как кисель, только сухой. К сожалению, подробно изучить это явление мне не удалось, поскольку практически сразу оно исчезло. Вместе со свечением исчезла и плотность.

Да, спецэффекты тут на высоте, даже когда это высота вытянутой руки!

Я бесшумно добралась до двери. Приоткрыла ее: в щель никого не просматривалось. Зато было видно дверь в патио.

Здравый смысл подсказывал, что это отличный вариант!

Но кто я такая, чтобы слушаться здравого смысла?

Мне снова повезло: в коридоре никого не обнаружилось. Я решила дать воображаемому ребенку последний шанс и решила заглянуть ещё в одну дверь. Только в одну, вон в ту, она даже ближе, чем выход на террасу.

И сразу к Джеро!

Я решила пренебречь скрытностью в пользу скорости — в коридоре я просматривалась, как цель в тире, и помчалась к двери со всех ног.

Дверь была не заперта. Но меня это не остановило, потому что двери здесь не запирают. Я заглянула.

Внутри было пусто. Точнее, не так: обстановка была очень похожа на комнату Джеро, только здесь было больше черного, а у Джеро — красного. Но времени на изучение у меня не оказалось. Патио было ограничено с четырех сторон. Так вот: из-за поворота слышался тихий стук двери, шаги, лай мелкой, судя по тембру, шавки и мужской голос.

Я вбежала в комнату и закрыла за собой дверь: вот теперь к выходу мне точно не успеть. Я заметалась: куда спрятаться, где скрыться с глаз, если сюда заглянут? Первой мыслью было рвануть в умывальню (я не была уверена, что это она, но планировка была очень похожа). Лай приближался. В последний момент я втиснулась в гардероб и, как сохатый в лесу, стала прорываться в угол.

— Сэтоши, ты совсем не понимаешь?!

— Р-р-р-р, гав-тяф-тяф!

Комната наполнилась лаем, стуком обуви и мужским недовольством. Я беззвучно, но отчаянно схватилась за голову.

— Ваше высочество, я уверен, это случайность! — Это был второй голос, тоже мужской. Оба: и первый, недовольный, и второй, вкрадчиво-заискивающий, были мне незнакомы. Возможно, принцев здесь как собак нерезаных, каждый первый, кто заплатил.

— Ав! Ав! Тяф-тяф! — Я явственно слышала топот маленьких лапок и стук их коготков по полу.

— Снежить, заткнись! — рыкнул еще более недовольный принц.

— Р-р-р-р, — тихо, но настойчиво прорычал(о) Снежить, не знаю, девочка это или мальчик. И знать не хочу.

Тебе сказали заткнуться? Слушайся хозяина!

Но собачка не хотела слушаться, она хотела выкопать мне могилу. Прямо сразу и начала копать, тшкетно царапая отполированный пол коготками. Я сжалась вся.

— Опять крысы! — с досадой буркнул его высочество, и вдруг рядом со мной что-то увесисто бухнулось в стену, качнув палки-вешалки с халатами (только бы он не надумал переодеваться!). Я спиной ощутила, как вздрогнула стена, к которой я прижалась.

Это сквозь закрытую перегородку!

Спецэффекты на грани фантастики! Особенно восхитило то, что я сидела не на линии удара.

— Уф-уф, — продолжала настаивать неугомонная зверюга.

— Ну иди, иди проверь! — рыкнул принц, впуская пса ко мне. Хорошо, что сам не полез проверять. Большое человеческое вам спасибо, ваше высочество!

— Р-р-р-р! — Пес обнаружил меня сразу. Да чего там! Он же целенаправленно ко мне и пёрся, блохосборник ушастый!

Снежитью хозяин назвал собачку за внешний вид и характер. Первая часть клички отвечала за окрас: псина была белоснежной. Умильная мордочка, аккуратные ушки, чем-то похожа на шпица, но покрупнее и шерсть покороче, не торчит во все стороны. На шее гламурный красный ошейник с жемчужной подвеской. Просто милаха-милаха. Но, увы, вторая часть клички, по всей вероятности, тоже взялась не с потолка и, похоже, описывала характер.

Пес смотрел на меня с недоверием (я бы тоже не доверяла человеку, который неучтенно обнаружился одежном шкафу) и напряженно-агрессивным любопытством. Из серии: подождать, пока оно двинется, и вцепиться, или не ждать и цапнуть сразу?

Очень-очень медленно я приложила палец к губам, уговаривая молчать. Я понимала, что вызывать к интеллекту собеседника бессмысленно, но собакен слегка склонил голову набок, будто задумался.

Опустила руку ладонью вверх, показывая, что не вооружена и абсолютно безопасна. Собакен подошел ближе, оскалившись на ходу небольшенькими, но на вид остренькими клычками. Я застыла каменным изваянием. Пес обнюхал меня, мою руку... и поддел её носом. Дескать, чего расселась? Чеши!

Осторожно — вдруг я неверно истолковала намерения песика? — почесала его за ушком.

— Сне-еж?.. — требовательно позвал хозяин, и пес, радостно вякнув, выбежал из гардероба. Так называемый “принц” прикрыл дверку, оставив узкую щель. — Пожар такой силы не мог вспыхнуть случайно!

— Ваше высочество господин Юдай, но какой в нем смысл?... — В дверной щели показалась голова говорившего, опущенная в почтительном поклоне. В таком ракурсе я не могла рассмотреть его целиком, но, кажется, это был ещё один красавчик азиатских кровей. — Отрядам, движущимся к границам Ледении, он не мог причинить сколько-либо серьезный урон.

— Но они двигались скрытно! — принц особо выделил последнее слово. — А теперь братец будет совать свой нос, куда не следует!

— Если пожар устроили заговорщики, это его вина, ваше высочество! — красавчик вновь поклонился.

Ох ничего себе, как их тут по-взрослому колбасит! Со скрытно передвигающимися отрядами и пожарами!

Надеюсь, ни одно дерево от так называемого пожара не пострадало.

— Когда Джеро останавливали такие мелочи, как вина? — “Джеро”? Они действительно братья, или это игра? — К тому же это мог быть отвлекающий маневр...

— На руднике я держу ситуацию под контролем, ваше высочество. Вам не о чем беспокоиться! — оптимистично заявил молодой мужчина. И в следующий момент комната наполнилась многоцветными световыми вспышками.

Прямо сильно у них с эффектами!

— Что там? — рыкнул принц.

Наконец он появился в зоне видимости. Но рассмотреть его я не смогла: он был в плаще с глубоким капюшоном. Капюшон был на голове. Никаких шансов обнаружить (или не обнаружить) родовое сходство. Может, он Палпатина косплеит? Кто хочет — тот в дораму играет, кто не хочет — в Звездные войны.

Только с его появлением я сообразила, что источником иллюминации является красавчик, и принц Палпатин сделал к нему шаг, чтобы разобраться, что за хрень происходит.

— Не могу знать, ваше высочество. — Теперь подхалимаж в голосе сменился старательно сдерживаемым мандражом. — Какие-то проблемы на руднике, господин. На каменоломне всё в порядке, господин.

Всё это время красавчик кланялся, причем уровень поклонов стал ниже раза в полтора-два.

— Ещё скажи “под контролем!” — саркастично угрожая прошипели из-под капюшона.

— Уверен, что ничего серьезного там не произошло, ваше высочество. — Он снова поклонился. — Я сейчас всё выясню и доложу!

— Вон в порталный зал!! — Рука принца взметнулась, указуя путь, как у Ленина в октябре.

— Сию минуту, ваше высочество! — судя по стуку сначала подошв о пол, а потом двери о косяк, красавчик помчался исполнять приказание.

— О-о-о-о! — простонал принц, изливая всю свою скорбь универсуму, и с шумно плюхнулся на ложе — к слову, оно было раза в два уже, чем у Джеро, помню, обратила внимание, — и я полностью разделяла его чувства.

Жаль, не могла этого сделать вслух. Каким бы ни был сценарий реконструкции, в которую я вляпалась (точнее, меня вляпали), вряд ли кто-то в здравом уме мог предположить, что я окажусь здесь, в гардеробе.

Собакен процокал в направлении лежбищного плюха и сделал “плюх” пожиже.

А я даже ноги вытянуть опасалась — вдруг привлеку внимание Снежити? А его хозяин местную крысодавку неясной технологии использует и в этот раз не промахнется? Нет-нет, я вздохнуть боялась.

В опустившейся тишине были слышны тяжелые “ха-ха-ха-ха” (выдохи, а не смех) довольной псины. Скрип ложа под мужчиной (только не переодеваться в домашнее!!), его усталые шаги вглубь комнаты (и когти, с небольшим запозданием, зацокали следом), еле слышный “квек” прикрытой двери (не входной, к сожалению). Дальше стало совсем тихо, из чего я сделала вывод, что звукоизоляция в купальне отличная.

Но это не значит, что здесь можно, как дома, орать песни в душе.

Да и душа здесь нет.

Я погрузилась в ностальгию, страдая про себя по утраченному душе и прочим радостям цивилизации, большим и малым, когда дверь умывальни с треском распахнулась.

— Идиот! Почему мне приходится иметь дело с идиотами?! — спросил принц, но, подозреваю, не у меня.

— Р-р-ав! Ав! — поделился экспертным мнением Снежить. Или “поделилась”, идентифицировать гендерную принадлежность собаченьки мне не удалось.

Широким шагом, в сопровождении знакомых визуальных спецэффектов (разноцветных бликов, в смысле) и цокота собачьих когтей капюшончатый вылетел из комнаты, как пуля из оружейного ствола.

Только тут меня начало отпускать.

Беззвучно простонав, я вытянула ноги, и уперлась голыми пятками во что-то пушистое.

Сердце пропустило удар. Или два.

Я в ужасе посмотрела туда, где только что были мои ноги (теперь они снова оказались у меня в руках).

Там, черт подери, сидел Снежить!

Сидел и смотрел на меня своими карими глазёнками.

Молча!

Он же выбежал с хозяином! Я же слышала!

Как он мог сюда пробраться? Дверь же закрыта!

Хотя если сюда пробираются крысы, — а для них дверь точно не распахивают, — что мешает собаке вернуться в комнату тем же путем? Или другим, но для него, собачены, предназначенного?

— Тс-с-с-с! — Я вновь приложила палец к губам.

Интерлюдия №3,

в которой неизвестно кто делает важное открытие — себя

Я понял, понял, зачем мне нужно было найти Цель! Потому что Цель была идеальным Источником! Раньше для того чтобы получить Огонь, мне было необходимо находиться в непосредственной близости от него. А Источник передавал его на расстоянии. Нужно было только нащупать, и Сила хлынула в меня так, что чуть не разорвала. Она текла, текла, пока вдруг не прервалась.

Я не жалел.

Мне уже давно хватило, просто невозможно было удержаться и остановиться.

Это был правильная огненная субстанция. Очень подходящая. Она крутилась во мне сияющим вихрем, плотно накручиваясь вокруг невидимой центральной оси. Никогда я ещё не чувствовал себя таким... насыщенным. Наполненным.

Цельным.

Это было совершенное новое ощущение.

Я вернулся в одно из тех мест, где обычно уходил в состояние покоя, — поблизости от другого существа — источника правильного Огня, пусть и не такого чистого и обильного. Вместе с ним всегда находилось маленькое создание на четырех опорах. Оно было очень громкое. Но к счастью оно само часто впадало в покой, и тогда оно становилось бесшумным.

Проснулся я от незнакомого неприятного ощущения. Вчера я провалился в покой, исполненный благородного Огня. А теперь мне было... гадко.

Рядом со мной обнаружился четырехопорный громкий обитатель помещения.

Он покоился.

И вонял!

Зато теперь, когда он был неподвижен и тих, прямо рядом со мной, я мог рассмотреть его лучше. Поверхность была неровной, более того, она периодически вздымалась и опускалась. Опоры имели небольшие темные выступы.

Я видел всё очень четко.

Это мне нравилось.

Вонь не нравилась.

Но это было движение вперед. С каждым полным насыщением я всё лучше и многограннее воспринимал окружающий мир.

Я должен найти Источник-Цель!

Рядом я его не ощущал. Неподалеку какое-то двухопорное существо заливало концентрированный Огонь. Но его было мало.

И он был неправильный. Не такой правильный, как хотелось бы.

— Снежить!

Двухопорное существо тоже иногда было громким. Очень.

И главное, оно делало очень громким четырехопорное. Сейчас оно издавало очень громкие звуки, но довольно быстро удалилось. Вместе с источником правильного огня, но прямо сейчас он этот огонь не источал, так какой от него толк?

Я приготовился ждать.

Я ждал.

Ждал.

И всё равно вспышка Огня поблизости стала для меня неожиданностью.

Он был не такой правильный, как хотелось бы, но лучше, чем то, что перепадало мне обычно. Я поплыл в большое, темное и обычно пустое помещение.

В этот раз там обнаружилось существо: двухопорное, некрупное, необычного окраса. Это существо коснулось зеленого огня над неподвижным объектом, и...

...он обрушился в меня, как совсем недавно!

Так вот как выглядит Цель!

Главное теперь — не отпускать.

Удивительно, но Источник-Цель направилась прямо в моё место для покоя, и стоило ему там устроиться, как появились другие.

Четырехопорный Снежить ворвался туда, где пряталась Источник-Цель. Но вместо того чтобы шуметь, она еле слышно зашипела. А потом коснулась четырехопорного.

Я тоже так хотел.

Я хотел, что Источник-Цель коснулась меня.

Увидела меня.

...Но когда она меня увидела, я уже не был уверен, рад ли я этому.

Глава 5,

в которой Джеро размышляет о прекрасном

При родонском Дворе у любого есть шанс попасть под горячую руку Великого Императора. У некоторых — после этого выжить. У принцев эти шансы выше: и попасть, и выжить.

И после подобной встречи с любимым родителем больше всего мы нуждались оказаться как можно дальше от отеческой ласки.

Для этого у каждого из нас были так называемые домики для медитаций. Прекрасное место, чтобы встретиться с неодобряемой любовницей или заняться интригами. Очень практично. Никто в здравом уме и твердой памяти не рискнул бы пересечь границы личных территорий представителей императорского рода. За такое даже от простых аристократов можно было поплатиться жизнью. Только по приглашению.

Даже я не рискнул бы заглянуть в чужой домик, отмеченный нашим родовым Змеем. Наверняка я смог бы вскрыть защитные чары, но, думаю, всё равно подхватил одно-другое проклятие.

По дороге в конюшню я заглянул в тайник, куда для меня складывал донесения старший наушничающий. Весь дворец был пронизан невидимой сетью прослушки — недаром все интриги обычно свершались за пределами императорского дворца. Однако даже несмотря на то, что все знали о слежке, иногда можно было выловить жирную рыбешку.

Доклад, как обычно, содержал сведения о ночных прогулках некоторых барышень из Императорского Цветника — по сути, дам общего пользования для удовлетворения нужд представителей рода и приближенных к ним. Я и сам пользовался их услугами, как интимного свойства, так и информационного. Но больше меня заинтересовало другое: Юдай, мой ударенный на голову средний брат, посреди ночи влетел в порталный зал и умотал куда-то, утром явился злой и уставший, и даже Снежить, его истеричный любимчик, ни разу не гавкнул по пути в покои.

Что ж, не только мне эта ночь принесла сюрпризы.

Мне хотя бы приятный достался.

На первый взгляд.

Я велел приглядывать за Юдаем во все глаза и прислушивать во все уши, а сам добрался до конюшни. Неко, черный, лоснящийся от довольной жизни жеребец, встретил меня радостным ржанием и притоптыванием — ему не терпелось побегать во всю свою лошадиную силу. Да и сам я испытывал нечто, похожее на его радость от возможности выбраться из гнетущих стен родового гнезда.

Императорский дворец был возведен на вершине горы на месте старинной крепости. Гору окружал ров, наполненный водой, хотя Великому Императору уже давно никто всерьез не угрожал. Но положено по законам фортификации — пусть будет. А то вдруг враги откуда не возьмись нападут, а мы не готовы? Во дворце на случай самого неблагоприятного сценария даже имелся подземный ход. Но попасть в него можно было лишь через подземелья папули Киоши, оттого никто здравомыслящий им не пользовался.

Крутые склоны горы были лысыми от дворцовых стен до самого рва, а вокруг раскинулась столица, огромная по меркам Родонии. Здесь было запрещено строить дома выше одного этажа, поэтому город разрастался в ширину. Мне довелось побывать в соседних королевствах, отец считал это необходимой ступенью нашего образования — изучение врага в естественной среде обитания. И если по населению, наверное, наша столица уступала соседкам, то площадью побеждала.

Родония всегда должна побеждать.

Легкой рысью я направил коня по восточному тракту: широкой улице, которая позволяла легко развезти паре нагруженных повозок. К востоку от дворца, на соседней живописной горе располагался “Сад медитаций”. Когда-то это действительно был сад, но сначала в нем появились частные беседки, потом вокруг них выросли заборы и живые изгороди, а беседки сменились — или дополнились — летними (а после и всесезонными) домиками, возле которых разрастались ублажающие взор цветущие растения, прудики, мосточки... Здесь можно было обустроить всё так, как хотелось тебе, а не подчиняться вкусам Великого Императора.

Быть приглашенным в чужой дом для медитаций было высочайшей честью — иногда последней. Растения не слишком привередливы к источнику питательных веществ и приветствовали любые удобрения.

Я любил свой садик, но бывал здесь редко. Слишком тяжело было возвращаться отсюда во дворец. У меня было два садовника и одна горничная для поддержания чистоты. Когда я приезжал сюда надолго, нанимал временного повара. Прислуга проживала неподалеку, в отдельном селении. На подъезде я сообщил о своем появлении через простенький артефакт призыва. Он работал на небольшом расстоянии и по части использования Силы был весьма экономным. Его величество Киоши закрывал глаза на подобные мелкие нарушения главного закона: “Магия должна тратиться только во благо Великого Императора”.

Слуги явились раньше, чем я успел вдоволь надышаться ароматами летних цветов и понять, что не бываю я здесь по другой причине: здесь пропадает злость. Сердце наполняется спокойствием и благодушием. Вовсе не те качества, которые помогли бы мне в работе с непокорными.

Я дал распоряжение завершить все дела к полудню и не появляться здесь более, пока не позову. В целом можно было уже ехать назад, я сделал всё, ради чего прибыл. Но вместо этого безвольно откинулся на спинку скамьи и следил взглядом за огромной стрекозой с переливчатыми крыльями, что стремительно скользила над кувшинками в водоеме. Так — абсолютно бесцельно — я убил наверное час, если не больше, зато убедился, что прислуга всё выполнила в точности и убралась восвояси.

Верный Неко довольно пощипывал травку, и я поспешил вывести его за ограду, пока он не испортил гармонию ароматов отходами жизнедеятельности.

Красиво.

Как же здесь красиво!

Сандра должна оценить.

Я пустил коня неспешным шагом и смотрел на лежащий у подножия холма усталый город. Чего не хватает Родонии? Почему она такая тусклая, куда ни посмотри? Мой уютным садик казался эдаким растением-паразитом, который радостно цветет, высасывая соки из другого растения, которое трудится, их создавая.

Не я придумал этот порядок.

Не мне его нарушать.

Он работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.